

Вырезка из газеты:

СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ

* 3 ОКТ 1979

г. Новосибирск

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Один известный столичный актер сетовал недавно на страничках журнала, дескать, слишком много знает нынче зритель о тайнах актерского мастерства, о жизни театра, чересчур дотошно расспрашивает о процессе работы над ролью. И теряется от этого загадка театра, так необходимая для восприятия искусства...

Но мы все же рискнули проникнуть в храм искусства через служебный вход. Кстати, храм остается храмом. За кулисами — в служебных помещениях «Красного факела» парад чистота, какой-то свой театральный уют.

И, честное слово, не просто было выбрать, с чего же все-таки начать наш репортаж об одном ядровом рабочем дне театра. Если бы на помощь нам не пришли директор «Красного факела» заслуженный артист РСФСР Альберт Иванович Дорожок

и заведующий постановочной частью Владимир Михайлович Верховский.

И вот мы в художественно-декоративном цехе театра.

Вы помните, в спектакле «Гнездо глухаря» огромный, будто музейная экспозиция, иконостас с темными ликами святых в квартире Судаковых? Так вот, в антракте спектакля я случайно слышала запальчивый спор трех подростков о подлинности икон. Художник-декоратор Василий Кондратьевич Ступаченко (он в «Факеле» с 1948-го, сразу после фронта) лукаво улыбается: «А что, похоже? С Рублевских копировали».

Здесь, в этой большой и светлой комнате, облекается по плоть все сценическое оформление спектакля. «Все, что на площадке выкрашено, — наша работа», — шутиливо вопрошает свою роль начальник цеха Виктор Чегоданов. На самом деле, их работа — настоящее творческое сотрудничество с художником-постановщиком.

Нет двух одинаковых спектаклей, и поэтому каждый раз гетаются новые проблемы: как будет он оформлен, в технике акварели либо масляной живописи, выбираются новые материалы, осваиваются непробованные ранее фактуры. Воздушное марево личинного сада и сентя, будто железобетонная, плита в сценической пьесе. Сегодня — Рублевские иконы, завтра — мраморные античные статуи...

А на рабочем столе еще не просохшая, вылепленная из глины, дьявольски хохочущая маска. В углу ждет часа «влезть в свою шкуру» трехметровое змееобразное чудини из готовящейся постановке пьесы-сказки К. Гоцки «Ворон». И все впервые, не повторяясь. Вот уж поистине — «сотворение мира» — настоящее чудо.

Открываем еще одну сказочную дверь. При слове бутафория — а именно, бутафорская мастерская — моменту сразу представляются мучажи краснощеких восковых яблук, запозвешие гродля, несъедобного винограда... От хозяев этой мастерской художников-бутафоров В. П. Ежельянова, В. П. Мартынова и А. П. Малгиной зависит, чтобы актер среди предметов, окружающих его на сцене, чувствовал себя свободно, будто в реальной жизни.

Но театр есть театр, и

вряд ли в реальной жизни вы встретите эти гордые морские фрегаты, которые в «Вороне» будут служить головными уборами героев сказки.

Да, эскизы костюмов и декораций главного художника театра, художника-постановщика этого спектакля Натальи Клеминой поражают огроменем красок, величьем, нет, сказочной фантазией. Глядя на них, предчувствуешь, замешние от восторга детские лица, добрую улыбку взрослых.

И, наконец, строгий репетиционный зал, где (не поборимся высоких слов) свершается самое великое театральное таинство. Начинается процесс духовного рождения еще людей — героев сказки «Ворон». Здесь мы застали режиссера — постановщика нового спектакля Дмитрия Александровича Масленникова и актеров театра Владимира Леонидовича Эйдельмана, Владимира Лемешовка и Сергея Симоненко.

Идет репетиция, так называемый застольный ее период. Когда перед актерами и режиссером еще лежат, начиная обстраивать различными пометками, текст пьесы. И после того, как предложена режиссером собственная концепция будущего спектакля, актеры начинают искать ключ и решение образа. И хотя работают над сказкой, каждое слово, интонация, жест должны быть лижненно мотивированы, рисовать существующий человеческий тип. А судя по заинтересованности встречных реплик актеров и режиссера по поводу природы характеров, новая работа чрезвычайно привлекательна для обеих сторон.

Во время коротенького перерыва Дмитрий Александрович объясняет: «Пьеса Гоцки — это театральная сказка, очень близкая актерской природе, настроенности

на игру и импровизацию. Тем сложнее обозначить здесь меру условности поведения героев на сцене, степени отстраненности, то есть некоторого взгляда со стороны, на своего героя. Кроме того, это — опыт романтической пьесы, где проза, ирония сочетаются со стихами. И бесконечные чудеса, сказочные превращения, оживления... Такая вещь прекрасная возможность для шлифовки актерского мастерства.

А тема, главная мысль пьесы прекрасна, и хочется, чтобы она прозвучала в спектакле в полную силу: братская самоотверженность, самоогречение ради другого».

Прав ли столичный коллега краснофакельцев, не станем судить. Но оттого, что мы несколько часов провели за кулисами и увидели крошечный кусочек черновой театральной работы, чудо ничуть не померкло. Просто в очередной раз стало ясно, что оно — творение рук, ума и сердца талантливых и влюбленных в свое дело людей.

Т. ШИПИЛОВА.

НА СНИМКАХ: (вверху) режиссер театра Д. МАСЛЕННИКОВ, (внизу) художники-декораторы В. ЧЕГОДАНОВ, Б. ВИШНЯКОВ и В. СТУПАЧЕНКО, сотрудники театра А. МАТВЕЕВ и Г. КОПЫХАНОВ.

Фото Е. Короткова.

